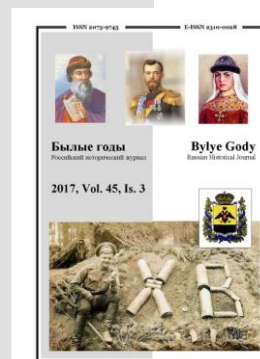

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 871-877, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.871
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861)

Vladimir G. Ivantsov ^{a,*}, Aleksandr A. Cherkasov ^{b,d}, Michal Smigel ^c, Annick Valleau ^e

^a Sochi state university, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^c Matej Bel University, Slovakia

^d American Historical Association, USA

^e University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article, based on archival documents and materials of the State archive of the Krasnodar region, introduced into scientific circulation for the first time, explores the reality of the functioning of the institution of slavery and serfdom on the territory of historical Circassia in the period 1815–1861 years, had one of the consequences the escape of dependent on their owners. The reconstruction (reconstruction) of the real picture of the situation of the various groups dependent highlanders contributes to the analysis of their own evidence after fleeing to the Russian side. Specifically is considered the fate of fleeing, as a result of the policies of the Caucasian authorities to establish their new place of residence, financial support, medical assistance, custody of children and etc. The statistics is analyzed in the context of specific historical events.

Keywords: Circassia, Zakubane, slaves, serfs, subordinates, fugitives, prisoners, quarantine, fodder money, establishment, ethnonyms.

1. Введение

В историографии Кавказа одной из наименее разработанных является тема рабовладения и крепостничества в Черкесии. Свидетельства путешественников, иностранных эмиссаров, разведчиков, проживавших среди черкесов (адыгов) в 1820–1850-х гг. (Фредерика Дюбуа де Монпере, Дж. Белла, Ф.Ф. Торнау, Т. Лапинского, А.П. Берже и др.), о функционировании самого горского населения, страдают ограниченностью и неполнотой. Что касается распространенной практики бегства зависимых от своих хозяев и их последующей судьбы, то эти сюжеты по существу не получили последующего научного осмысления. Именно этим фактом определяются актуальность и задачи статьи.

2. Материалы и методы

Воссоздать реальную картину положения зависимого населения на территории Черкесии в означенный хронологический период стало возможным, опираясь на документы и материалы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК, Краснодар, Российская Федерация). Эти документы дают возможность проанализировать политику кавказских властей по определению дальнейшей судьбы бежавших: водворению на новое место жительства, как в пределах земель войска Черноморского, так и в других губерниях России; оказанию беглецам материальной помощи; медицинского обслуживания; установлению русского попечительства над детьми горцев и др.

* Corresponding author

E-mail addresses: V-ivancov@rambler.ru (V.G. Ivantsov), sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), michal.smigel@umb.sk (M. Smigel), Annick.Valleau@unige.ch (A. Valleau)

Методической основой исследования являются традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный методы, позволяющие изучить проблему в конкретных политико-правовых и социально-экономических условиях, что определяет объективность полученных результатов.

В статье был применен конкретно-исторический подход, позволивший описать конкретную модель взаимодействия кавказской администрации и беглецов в социальной истории XIX века. Историко-антропологический подход позволил выявить способы и формы выживания беглецов из Черкесии.

3. Обсуждение

Тема исследования отличается своей малой изученностью. Отдельные факты бегства рабов и крепостных от своих хозяев на русскую сторону фиксировались в работах эмиссаров и разведчиков периода Кавказской войны (Белл, 2007; Торнау, 2008). В дореволюционной историографии имеются упоминания о движении крепостных, а иногда и дворян с территории Черкесии на русскую сторону (Цагарели, 1891; Духовский, 1864).

В первое десятилетие установления советской власти, в 1926 году во Владикавказе было опубликовано исследование Г. Кокиева «Очерки по истории Осетии» (Кокиев, 1926). Автор, характеризуя внешнюю и внутреннюю работорговлю на Кавказе отмечал, что в XVI–XVIII вв. работорговля дошла до своей кульминационной точки, став самым доходным делом для жителей Кавказа (Кокиев, 1926: 55).

В дальнейшем, на закате советской эпохи, интерес к этой теме был проявлен исследователем Н. Покровским (Покровский, 1989). В его труде впервые нашли отражение материалы, связанные с причинами бегства черкесов на русскую сторону. Автор отмечал, что бегство адыгских крепостных и рабов в Россию было ничем иным, как своеобразным проявлением социальной борьбы внутри адыгского общества, где рабы и крепостные не могли найти себе надежных союзников среди свободных общинников – тфокотлей, энергично выступавших против закрепостительных тенденций дворянско-княжеской знати. Происходило это потому, что значительная часть тфокотлей, отстаивающих собственную свободу от покушений на нее дворян и князей, сама владела рабами и крепостными и не склонна была становиться на путь их освобождения (Покровский, 1989: 180-181).

В современных публикациях тема исследования находит свое эпизодическое отражение в трудах о Кавказской войне, о социально-экономической жизни, как у черкесов, так и в русских гарнизонах (Cherkasov et al., 2015; Karataev et al., 2015).

4. Результаты

В широком плане объектом исследования явились горские народы, составляющие историческую Черкесию: натухайцы, шапсуги, абадзехи, убыхи, бжедухи, керкенеицы и другие более мелкие субэтноты. По различным причинам часть этих горцев, главным образом зависимых, индивидуально или целыми семьями выходили с гор (бежали), ища покровительства и защиты российского государства.

Все беглецы подвергались опросу с целью выявления биографических данных и причинах выхода к русским. Практически все эти люди не знали русского языка. Полученные от них с помощью переводчика показания записывались и подписывались представителями властей с согласия бежавшего.

В общем плане бежавшие, как в одиночку, так и целыми семьями, выражали надежду получить российскую защиту и покровительство. Некоторые из бежавших, в том числе женщины-черкешенки, желая водвориться в пределах войска Черноморского, вместе с тем заявляли, что имеют намерение принять христианскую веру (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 868. Л. 210б.; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1079. Л. 84; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1406. Л. 130; Ф. 261. Оп. 1. Д. 1292. Л. 109 и др.). Имели место случаи, когда бежавшие горцы обращались с просьбой зачислить их на русскую военную службу. Такие лица, предварительно подвергались проверке относительно их биографии и благонадежности (ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 498. Л. 1-10б.).

Вышедшие к русским поголовно направлялись на 14 дней в карантин для выяснения состояния их здоровья, проведение так называемого «очищения», а также получения сведений о наличии или отсутствии заразных болезней в местах их прежней жизни.

Развитию карантинной службы на восточном берегу Черного моря, ввиду опасности развития эпидемий, в том числе заносимых извне, кавказские власти придавали большое значение. Начальник Черноморской береговой линии (ЧБЛ) генерал-лейтенант Н.Н. Раевский сообщал в начале 1840 года, что существовавшие Таманская и Бугазская карантинные заставы, Анапский и Сухумский карантинны, находившиеся до этого в ведении начальства Новороссийского края, были переданы под надзор начальника ЧБЛ. Вместе с тем учреждались новые карантинны в Новороссийске и Геленджике. Таким образом была создана карантинная линия вдоль восточного берега Черного моря, от Тамани до границы с Мингрелией (Записка..., 2005: 367).

На территории Кубани центральным являлся Екатеринодарский карантин, куда «для очищения» направлялось значительное количество горцев, бежавших с левобережья Кубани.

После прохождения карантина решался вопрос об удовлетворении просьбы бежавшего о месте его водворения.

Еще в 1822 году командир Кавказского корпуса и главнокомандующий в Грузии генерал А.П. Ермолов издал прокламацию, которая определяла, что все рабы, которые прежде владельцев своих выйдут из гор или из-за реки Кубани в российские пределы, получают свободу. В связи с этим сменивший в 1827 году Ермолова И.Ф. Паскевич пришел к следующему выводу: прокламация Ермолова имела «весьма хорошие последствия», так как после нее большая часть владельцев спешила переселиться на плоскость, чтобы не лишиться своих подвластных (АКАК, 1878: 871).

При водворении бежавших из-за Кубани горцев учитывалось их желание селиться главным образом в пределах земель Черноморского казачьего войска, в частности, в татарском селении Ады, в Гривенском черкесском ауле, в ауле на Каракубанском острове, в ауле при Новоекатериносинском посту и в других мирных селениях. Особой популярностью у бежавших пользовался Гривенский аул (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1398. Л. 4; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1469. Л. 170; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1642. Л. 4; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1553. Л. 191; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1642. Л. 1606; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618. Л. 679; Ф. 261. Оп. 1. Д. 728. Л. 38, 41).

Между тем по вопросу о местах расселения горцев имелись разные точки зрения. Так командир отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий в Грузии барон Розен в сообщении от 16 декабря 1831 года писал, что, по его мнению, гораздо полезнее водворять бежавших горцев в татарских слободах на землях Черноморского казачьего войска, нежели около крепости Анапы. Барон аргументировал свою точку зрения тем, что близ Анапы соседствуют неприязненные России горцы. Поселяемые близ Анапы беглецы имеют множество знакомых и родных среди них и, возможно, ранее они вместе участвовали в набегах (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1272. Л. 3).

Несколько позже, в письме барона Розена к начальнику Кавказской области от 2 февраля 1832 года высказывалась мысль о том, что поселение бежавших из аулов горцев в большом количестве в Черномории, а не около Анапы, заставляет опасаться следующего: при частых набегах на земли Черномории закубанских горцев делает возможным содействие им со стороны поселенцев, как своим единоплеменникам (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1272. Л. 2).

В конечном счете, как свидетельствуют документы, военный министр граф А.И. Чернышев уведомил Розена о том, что император Николай I разрешил селить горцев, переходящих в русские пределы из окрестных к Анапе аулов, по-прежнему на землях Черноморского войска в татарских слободах. В апреле 1832 года барон Розен обнародовал предписание «О разрешении поселяться в черкесские селения в войске Черноморском тем черкесам, которые будут выходить из Закубани (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1272. Л. 1, 2).

В отношении барона Розена генерал Г.И. Филипсон, прекрасно знавший кавказскую действительность, в своих воспоминаниях писал, что назначенный на Кавказ «барон Розен явился в край, ему совершенно неизвестный, и должен был руководить сложным делом, ему совершенно чуждым» (Гордин, 2005: 562).

Кавказские власти также решали проблему денежного обеспечения беглецов – выдачу так называемых «кормовых денег». Общим управлением Кавказской областью (г. Ставрополь) в предписании Наказному атаману войска Черноморского от 21 июня 1834 года указывалось назначать для продовольствия закубанских выходцев, каждому из них в течение одного года, следующих сумм: взрослым по 10 коп., а малолетним по 5 коп. серебром в сутки. Деньги отпускать из Черноморской войсковой казны (ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 238. Л. 26).

Помимо одиночных горцев, а также отдельных горских семейств, решившихся перейти на русскую сторону, имели место факты когда такое стремление носило массовый характер. В августе 1834 года начальник Управления Кавказской линией, генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, получив соответствующее прошение, разрешил переселить на Каракубанский остров владельца Жанеевского аула Бей-Смаша с подвластными ему 60 семействами, ровно 40 семейств жанеевцев и 20 семейств шапсугов, изъявивших желание на такое переселение. Для сопровождения этих людей с левого на правый берег Кубани было выделено 300 конных казаков, которые и доставили их в карантин Екатеринодара (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1398. Л. 4).

Причина такого единовременного значительного количества переселенцев в документе не называется. Возможно предположить, что переселенцы – мирные горцы, стремились покинуть место своего прежнего проживания, где они были окружены враждебными к России соседями и в силу этого обстоятельства предпочли поселиться на территории под защитой российского государства.

При том что в числе всех бежавших на русскую сторону абсолютное большинство составляли черкесы, среди беглецов встречались армяне, пленные русские, молдаване, турки и др. Так, в октябре 1836 года в Абинскую крепость вошел турецко-подданный Куб Ахметов. Он показал, что турецкое торговое судно, где он находился, потерпело крушение близ Анапы. Ахметов и еще 6 турок спаслись, но попали в плен к шапсугам, после чего были проданы разным владельцам. Ахметову вскоре удалось бежать. Большой турок русскими властями был направлен в Ольгинский военный госпиталь. После выздоровления прислал русского подданства и определения в Гривенской аул (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1469. Л. 141, 170).

В октябре 1836 года, в Анапский временный карантин был доставлен 28-милетний русско-подданный «Иван непомнящий родства», выбежавший с гор вместе с женой черкешенкой и тремя малолетними детьми. Бежавший показал, что попал в плен в «сущем малолетстве», по словам черкесов он – русский, но имени своего не помнит, русского языка не знает. Получил черкеское имя Гасан. Находясь в плену, перепродавался разным хозяевам. На последнем месте жительства в течение шести лет у шапсугов в ауле Абазах женился на черкешенке, прижил с нею троих детей. Просит поселить его в Черномории, где выучит русское наречие (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1487. Л. 125, 127-129).

Как отмечалось, одной из причин бегства горцев на русскую сторону являлось их опасение быть проданными в рабство, зачастую при прямых угрозах владельцев. Однако, предотвратить такое развитие событий удавалось далеко не всегда. Не редко захват людей в плен с последующей их продажей происходил спонтанно. Так, в декабре 1850 года, начальник правого фланга Кавказской линии генерал-майор Евдокимов рапортовал о следующем. Бесленевский князь Адильгерей Коноков сообщил, что непокорные абадзехи напали на аул прапорщика Сулатана Магомет Гирея и захватили в плен подвластных им узденей и крестьян до 60 душ и продают их туркам. Эти турки прибыли в горы для торговли «по билетам» (то есть по разрешению властей – авт.). Евдокимов просит принять меры, чтобы не допустить вывоза пленных в Турцию (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1013. Л. 1, 4).

В 1847 году существовавшие постановления, распоряжения и прочие указания кавказских властей относительно практики последующих действий с взятыми в плен и добровольно выходящими на русскую сторону представителями кавказских народов были обобщены и сведены в «Правила о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев от 6 июня, которое подписал Кавказский наместник, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант князь И.С. Воронцов.

Правила определяли меры в отношении военнопленных разных категорий. Главным пунктом являлось указание на последующий размен пленных горцев на русских пленных. В отношении пленных женщин и девиц возможным являлось установление над ними попечительства, а также заключение с ними законного брака христианами. Условием такого брака являлось принятие пленницами православного крещения. Что касается горцев, добровольно выходящих к русским, то предписывалось их водворение в аулы мирных горцев, а также расселение на Дону или во внутренних губерниях России. Предусматривалось содержание пленных и выходцев выплат детям по 5 и взрослым по 7 коп. серебром в сутки, а также снабжение нуждающихся одеждой и обувью. Четко расписывались пути отправления людей в Новочеркасск из различных мест Кавказа (ГАКК. Ф. 263. Оп. 1. Д. 118. Л. 3-4).

Необходимо отметить, что принятые Правила не предусматривали различных вариантов, связанных с желаниями бежавших относительно их дальнейшей судьбы, а также требованиями их бывших хозяев вернуть подданных. Практическое решение в этих случаях было разным.

В частности, имело место удовлетворение желание части горцев, вышедших к русским, вернуться в родные аулы (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618. Л. 14-1506.).

В сведениях о горцах, добровольно вышедших в укрепления Черноморской береговой линии (ЧБЛ) в период 1845–1851 гг. в количестве 109 человек (подсчет – авт.), сообщается, что 41 человек был отпущен по их желанию на прежнее место жительства, а двое пожелали и были отправлены в Турцию. Остальные были распределены для поселения в русских пределах (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1414. Л. 7).

В другом случае, в конце 1845 года горец-шапсут с женой и двумя детьми вторично вышел с гор и просил русские власти отправить его с семьей на жительство во внутреннюю Россию. Однако, от бывшего их владельца поступило ходатайство о возвращении ему бежавших. Начальник ЧБЛ отказал в ходатайстве, ссылаясь на принятое в крае правило – добровольно ищущие российского покровительства не возвращаются на прежнее место жительства из-за опасения мщения за побег со стороны их владельцев (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 830. Л. 2, 5).

Другой документ, исходящий от начальника Абинского укрепления и датируемый 1853 годом, сообщает о заключенном с натухайцами «условии», согласно которому русская сторона обещала возврат хозяину его беглых крестьян. Ссылаясь на это условие, на имя и.о. Наказного атамана Черноморского войска полковника Кухаренко поступило прошение – дать приказание о возврате натухайскому владельцу бежавших от него в Абинск черкеса с девицей (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1356. Л. 2).

В ответе на это прошение сообщено, что командующий Черноморской кордонной линией принял решение: бежавшим черкесу с девицей «объявить свободу и водворить в Черномории между мирными черкесами» (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1356. Л. 33).

Часть горцев, после изучения обстоятельств их побега и возможных неблагоприятных последствий для них, отправлялись в Новочеркасск для дальнейшего поселения на землях войска Донского. Так в августе 1857 г. в Новочеркасск были отправлены 3 черкеса, в ноябре-декабре 1857 г. – 10 черкесов (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1762. Л. 16, 18).

Согласно ведомостям за 1859 год в Новочеркасск был отправлен 31 черкес (подсчет – авт.). В то же время для поселения в Прочно-Окопском Армавирском ауле была направлена вышедшая с гор армянская семья из 6 человек (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1887. Л. 4, 7, 9, 11, 13, 18, 22, 23).

При отправлении горцев на поселения преследовались определенные цели. Например, в декабре 1857 года Наказной атаман войска Черноморского генерал-лейтенант Филипсон принял решение: бежавшего из-за Кубани черкеса Ханус Толмыза зачислить в число жителей Екатеринодарской станицы. При этом ставилась задача обучить там черкеса догматам Православной церкви с последующим крещением, а также черкесу дать льготы по службе на три года, с тем, чтобы он выучил русский язык.

Однако это указание со стороны начальника Екатеринодарского военного округа встретило возражение. Основание этого сводилось к следующему: жители станицы взять Толмыза к себе не желают; Толмыз в станице будет иметь возможность встречаться со своими земляками, которые содержатся в станице как пленные, что нежелательно. Встречное предложение начальника военного округа состояло в просьбе зачислить горца в станицу Переяславскую, где он будет удален от своих единомышленников, а с помощью жителей станицы – греков и армян, знающих черкесский и русский языки, изучит русский язык и догматы православия (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1813. Л. 18, 19). О дальнейшей судьбе Толмыза сведений не обнаружено.

В соответствии с «Правилами о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев» имела место практика установления попечительства над горскими девицами.

Главный лекарь Екатеринодарского войскового госпиталя Масютин в феврале 1861 года сообщил о поступлении на лечение черкеса Бшиб Губ с тяжелым заболеванием, не обещавшим благополучного исхода. При горце находилась его 7-летняя дочь. Отец просил лекаря взять девочку на воспитание. Масютин, согласившись на это, просил начальника штаба Кубанского казачьего войска генерала Кусакова сделать соответствующее распоряжение. В том же феврале прошение было удовлетворено. В соответствии с пунктом 5 Правил Масютин обязывался осуществлять попечительство над девицей на следующих условиях: если девушка не выйдет замуж, она будет оставаться у опекуна до 25-ти летнего возраста, после чего должна будет сама избрать род жизни (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2001. Л. 25, 40).

Имеющиеся архивные материалы свидетельствуют о более сложных случаях с осуществлением опекунства над детьми бежавших с семьями горцев.

В ноябре 1860 года шапсуг Армезан Дзетль с семейством бежал к русским. Вскоре заболел и был помещен в войсковой госпиталь Екатеринодара. Войсковой старшина генерал-майор князь Святополк-Мирский до выздоровления Дзетля по расписке взял на свое попечение его дочь Даду и племянницу Шальцуко (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2001. Л. 45).

Далее, переписка по этому попечительству сообщает, что поправившийся к августу 1861 года и поселенный в Гривенской станице Дзетль, стал настойчиво требовать возвращения ему дочери и племянницы. К этому времени князь Святополк-Мирский скончался, а его вдова, вместе с девушкой Даду, уехала в Финляндию. Что касается Шальцуко, то она вместе со свитой князя переехала во Владикавказ. Документ также сообщает, что обе девушки всем обеспечены и не желают возвращаться на родину и даже готовы принять православие. В связи с этим рекомендуется внушить Дзетлю необходимость отказаться от требований возвращения ему девочек, и объявить ему, что вследствие желания девочек принять крещение, они не могут быть возвращены (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2001. Л. 61).

Однако, уговоры Дзетля результатов не дали. В рапорте и.о. начальника Таманского военного округа по этому вопросу от 2 ноября 1861 года сообщается о нежелании Дзетля отказаться от своего требования вернуть ему девочек. Там же высказано предположение, что Дзетля, видимо, интересует калым, который положен у мусульман при выдаче замуж девушек, которого он будет лишен в случае невозвращения ему дочери и племянницы (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2001. Л. 69). Сведений о дальнейшей судьбе девушек нами не обнаружено.

Отдельный сюжет составляют ведомости за ряд лет, где приводится статистика по сути массовых выходов горцев с Левобережья Кубани вместе с семьями, а также с подвластными и крестьянами. При этом ведомости не указывают причин, побудивших людей покинуть родные места.

Общее количество этих лиц, зафиксированных в ведомостях, по нашим подсчетам составило 2580 человек. Эти горцы, согласно ведомостям, выходили к русским в периоды: апрель 1837–1840 гг. и 1845–1852 гг. Помимо указаний о количестве вышедших, отдельные ведомости содержат данные о суммах кормовых денег и трат на обувь и одежду, которые получили 506 человек. Наш подсчет показал, что общая сумма, потраченная на этих людей, составила 3881 руб. 13 коп. серебром. Следует отметить, что приведенная сумма не полная, так как в ряде граф ведомостей указано: «кормовыми деньгами удовлетворен» (без указания конкретной суммы денег – авт.) или стоит знак вопроса (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1642. Л. 4-4об., 160б., 18-18об., 19; Ф. 260. Оп. 1. Д. 1414. Л. 7-13об., 50; Ф. 249. Оп. 1. Д. 1618. Л. 679-679об., 682-682об.).

В числе ведомостей одна по существу уникальная, датируемая нами 1850 годом. Она содержит статистику горцев «вышедших из Закубани по случаю происходящих там беспокойств вследствие произведенного Магомед-Амином возмущения».

Согласно этой ведомости общая численность вышедших горцев составила 2074 человека обоого пола (подсчет – авт.). Наибольшее количество среди вышедших составили горцы, находившиеся на русской службе: ротмистр Султан Сагау-Газиш с семейством, крестьянами и подвластными – 394 души обоого пола; прапорщик князь Шумаф Тихрихов с семейством, крестьянами и

подвластными – 63 души; прапорщик Пшехез Баток с семейством и подвластными – 169 душ; прапорщик Алкес Бжеган с семейством и крестьянами – 1047 душ; прапорщик князь Асланчерий Баджемуков с семейством и крестьянами – 67 душ; прапорщик Нагой Дако с семейством и крестьянами – 78 душ; прапорщик Алкес Гирей Бжегако с семейством и крестьянами – 61 душа обоего пола. Все вышедшие 2074 человека были водворены на жительство главным образом на правый фланг Кавказской линии и, частично, направлены на временное жительство во 2-ю часть Черноморской кордонной линии (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1112. Л. 1200б., 138-138об.)

Есть все основания полагать, что эти более двух тысяч человек – мирные горцы, не желавшие подчиниться антироссийской пропаганде Наиба Шамиля Магомед-Амина и присягнуть его программе, предусматривавшей повсеместное приобщение к исламу, создание регулярной армии, введение налогообложения горцев, проведение жестких мер, вплоть до казней, в отношении противников нововведений (Чеучева, 2013: 82-92).

5. Заключение

Реальность существовавшего в Черкесии института рабовладения и крепостничества являлась очень значимым фактором, определявшим решение зависимых бежать от своих хозяев.

Анализ архивных документов и материалов позволяет сделать вывод о существовании целой программы, зафиксированной в инструкции «Правила о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев», которой руководствовались кавказские власти в своей политике по определению дальнейшей судьбы, бежавших на русскую сторону.

Составными частями выработанной практики являлись: направление беглецов в карантин для медицинского освидетельствования, а в необходимых случаях и лечения; взятие показаний у бежавших об их биографических данных, причинах и обстоятельствах побега; обеспечение бежавших материальным содержанием, а при нужде – снабжение обувью и одеждой; наконец, водворение на новое место жительства с учетом желаний горцев.

В части документов не содержатся сведения о причинах выхода к русским. Возможно предположить, что в этих случаях у беглецов могли быть основания скрывать причины бегства. При этом все бежавшие выражали надежду на защиту и покровительство русских властей, которую и получали. При выясненных различных причинах бегства, оказалось, что до 60 % горцев бежали ввиду разного рода притеснений и жестокостей обращения со стороны хозяев, а также угроз продажи в Турцию. Имевшие место массовые выходы с родных мест горцев, находившихся на русской службе, вместе с семьями, а также своими подвластными и крестьянами, были обусловлены, как представляется, либо трудностями и опасностями проживания мирных горцев с враждебными к России соседями, либо протестами против антироссийской политики Магомед Амина, проводимой им в конце 1840 – начале 1850-х гг. в Черкесии.

Литература

- АКАК, 1878 – Акты кавказской археографической комиссии. Т.7. Тифлис, 1878.
 Белл, 2007 – Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 2007.
 ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
 Гордин, 2005 – Гордин Я.И. Россия на Кавказе: поиски решения / Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005.
 Духовский, 1864 – Духовский С. Материалы для описания войны на западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 году // *Военный сборник*. 1864. № 12.
 Записка..., 2005 – Записка Н.Н. Раевского февраль-март 1840 г./ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв., СПб., 2005.
 Кокиев, 1926 – Кокиев Г. Очерки по истории Осетии. Часть 1. Владикавказ, 1926. 160 с.
 Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989. 319 с.
 Торнау, 2008 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера. В 2 ч. Майкоп, 2008.
 Цагарели, 1891 – Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII вв. СПб., 1891.
 Чеучева, 2013 – Чеучева А.К. Магомед Амин и адыгское общество середины XIX в. // *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2013. №2(118). С.82-92.
 Cherkasov et al., 2015 – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S. The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years // *Bylye Gody*, 2015, (3). 37: 541-548.
 Karataev et al., 2015 – Karataev V.B., Volvenko A.A., Varfolomeev A.G. The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years) // *Bylye Gody*, 2015, (3). 37: 536-540.

References

- АКАК, 1878 – Akty kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the caucasian archaeological commission]. Т. 7. Tiflis, 1878. [in Russian]

- Bell, 2007 – *Bell Dzh.* (2007). Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837–1839 gg. [Diary of staying in Circassia during the 1837–1839 years] V 2 t. T. 1. Nal'chik, 2007. [in Russian]
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [The state archive of the Krasnodar territory].
- Gordin, 2005 – *Gordin Ya.I.* (2005). Rossiya na Kavkaze: poiski resheniya [Russia in the Caucasus: Finding a Solution]. Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'. Nachalo XIX – nachalo XX vv. SPb. [in Russian]
- Dukhovskii, 1864 – *Dukhovskii S.* (1864). Materialy dlya opisaniya voyny na zapadnom Kavkaze. Dakhovskii otrjad na yuzhnom sklone gor v 1864 godu [The materials for the description of war in the Western Caucasus. Dakhovskaya squad on the South slope of the mountains in 1864]. *Voennyi sbornik.* № 12. [in Russian]
- Zapiska..., 2005 – Zapiska N.N. Raevskogo fevral'-mart 1840 g. Kavkaz i Rossiiskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost' [The notes of N.N. Raevskogo February-March 1840. Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality. The beginning of the XIX – early XX centuries.]. Nachalo XIX – nachalo XX vv., SPb. [in Russian]
- Pokrovskii, 1989 – *Pokrovskii M.V.* (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the Circassians in the end of XVIII – the first half of the XIX century]. Krasnodar, 319 p. [in Russian].
- Tornau, 2008 – *Tornau F.F.* (2008). Vospominaniya Kavkazskogo ofitsera [The memoirs of a Caucasian officer]. V 2 ch. Maikop. [in Russian]
- Tsagareli, 1891 – *Tsagareli A.A.* (1891). Snosheniya Rossii s Kavkazom v XVI–XVIII vv. [Relations of Russia with the Caucasus in the XVI–XVIII centuries]. SPb. [in Russian]
- Cheucheva, 2013 – *Cheucheva A.K.* (2013). Magomed Amin i adygs кое obshchestvo serediny XIX v. [Mohammed Amin and the circassian society in the mid of XIX century]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.1: Regionovedenie, filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya.* №2(118). pp. 82-92. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody*, (3). 37: 541-548.
- Karataev et al., 2015 – *Karataev V.B., Volvenko A.A., Varfolomeev A.G.* (2015). The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years). *Bylye Gody*, (3). 37: 536-540.

УДК 94

Политика кавказских властей в отношении бежавших на русскую сторону горцев Черкессии (1815–1861 гг.)

Владимир Иванцов ^{a,*}, Александр Черкасов ^{b,d}, Михал Шмигель ^c, Анник Валлоу ^e

^a Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^c Университет Матей Бела, Словакия

^d Американская ассоциация историков, США

^e Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье, основанной на архивных документах и материалах Государственного архива Краснодарского края, вводимых в научный оборот впервые, исследуется реальность функционирования института рабовладения и крепостничества на территории исторической Черкессии в период 1815–1861 гг., имевшая одним из следствий бегство зависимых от своих хозяев. Воссозданию (реконструкции) реальной картины положения различных групп зависимых горцев способствует анализ их собственных свидетельств после бегства на русскую сторону. Специально рассматривается дальнейшая судьба бежавших, как результат политики кавказских властей по водворению их на новое место жительства, материальному обеспечению, оказанию медицинской помощи, попечительству над детьми и др. Приводимая статистика анализируется в контексте конкретных исторических событий.

Ключевые слова: Черкессия, Закубанье, рабы, крепостные, подвластные, беглецы, пленные, карантин, кормовые деньги, водворение, этнонимы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: V-ivancov@rambler.ru (В. Иванцов), sochioo3@rambler.ru (А. Черкасов), michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель), Annick.Valleau@unige.ch (А. Валлоу)